

АЛҚА МӘЖІЛІСІ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Аманжолова Д.А., д.и.н., профессор
Главный научный сотрудник ИРИ РАН
г. Москва, Россия*

Проблемы формирования и политической деятельности казахской интеллигенции прямо связаны с наиболее важными общественными сдвигами в состоянии всего казахского социума. В казахстанской историографии имеется достаточно трудов по отдельным сюжетам и особенно персонажам (Х. Абжанов, Ж. Жумашев, С. Шилдебай, Ж. Кыдыралина, А. Жунисбай, О. Коныратбай и др.).

Между тем история казахской интеллигенции в целом, несмотря на обилие публикаций, нуждается в дополнительном изучении. В частности, стоит обратить внимание само определение понятия и на некоторые конкретные данные о казахской интеллигенции начала прошлого века. Общая численность казахов России на 1897 год составила 4091746 чел. Подавляющее большинство – 96,01% (3928497 чел.) проживали на территории современного Казахстана, при этом их образовательный уровень составлял 2,7%¹. Как отмечает устькаменогорский историк, к 1917 г. национальная культурная элита включала в себя около 100 чел., получивших высшее образование в университетах и других учебных заведениях России. Более точные данные приводят другие авторы: высшее и незаконченное высшее образование в начале XX века имели около 100 казахов, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии². По данным переписи 1926 г. грамотность казахов составляла 6,9%³.

Однако, точных сведений о численности и составе казахской интеллигенции на начало прошлого века, видимо, не установлено. Ведущий специалист Казахстана по истории интеллигенции Х.М. Абжанов приводит некоторые данные и выделяет в среде интеллигенции 2 группы. Указывая, что накануне первой мировой войны в 7 учебных заведениях медицине, просвещению и сельскому хозяйству обучались 352 чел., историк причисляет к носителям интеллектуального потенциала края не только профессиональную интеллигенцию, но и т.н. традиционную («беки, батыры-полководцы, мыслители, религиозные деятели, мудрые наставники молодежи»). Однако о мусульманской части традиционной элиты (духовенства), как более точно следует назвать эту группу, говорится: «...численность и удельный вес традиционной интеллигенции в составе казахского населения не поддается учету». Данные по Туркестанскому уезду и городу Туркестан (5 тыс. мулл и ходжей, 44,8 тыс. шакирдов в мусульманских мектебе Туркестанского края) не дают представления об этническом составе этой группы. Более того, Абжанов подчеркивает слабость влияния «религиозной интеллигенции» на казахское общество и провал попыток консолидировать мусульманское население вокруг

¹ Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах [Электронный ресурс] / С.К. Игибаев. 3, 00 МБ. Усть-Каменогорск, 2010. 394 б. <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (дата обращения: 13.02.2015); Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008. С. 43.

² Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX - середине XX веков // Центральная Азия. 1997. № 11. [Электронный ресурс] <http://turkolog.narod.ru>.

³ Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. [Электронный ресурс] // <http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).

исламской идеи в период между революциями. Он резюмирует: «Ясно одно – казахский социум всегда выдвигал из своей среды столько акынов, кюиши, жыршы, баксы-балгеров, зергеров, емши, народных ветеринаров, агрономов, архитекторов, сколько их было необходимо для обеспечения естественно-исторического развития системы, сложившейся на протяжении многих веков»⁴.

Признавая «разновекторный» характер общественно-политического позиционирования казахской интеллигенции, ее большой авторитет и популярность в народе, Абжанов к тому же причисляет к ней национальное чиновничество. Однако чиновники, говорится далее, потеряли такой авторитет и не были самодостаточны⁵. Таким образом, специалист выделил 3 группы, первые две из которых лишь условно можно отнести к интеллигенции – традиционная элита, чиновничество и объединяемые в одну группу собственно представители умственного труда - учителя, агрономы, ветеринары, врачи, юристы, литераторы, журналисты и др.

Стоит напомнить в связи с этим, что еще в 1930 г. С.Д. Асфендияров невозможность «говорить о дореволюционной интеллигенции вообще» связывал с марксистской методологией и выделил в ней применительно к казахскому обществу три группы: «1. Интеллигенция, отражавшая идеологию демократических низов (имевшая разные оттенки). 2. Интеллигенция, отражавшая идеологию либеральной и оппозиционно настроенной к русскому царизму национальной буржуазии. 3. Интеллигенция, отражавшая идеологию полупефодалов, для которых правительство было своим правительством»⁶.

Следующая важная проблема – динамика идейно-политических позиций и поведения интеллигенции от начала века до 1920-х гг. включительно. Здесь можно наметить несколько важных точек: первая революция в России и шаги по организационному сплочению (попытки создания партии, выборы в Думу, газета «Казах»).

Отдельно стоит вопрос о расколе образованных и политически активных казахов в 1916 году. Здесь выделяются уже не западники и тюркофилы, как определил в 1910 г. Букейханов, а сторонники гражданской консолидации и социального раскола на этнической основе. Дифференциация казахского образованного класса происходила постепенно, по мере роста ее удельного веса и влияния в обществе.

При изучении и описании истории движения Алаш, которая занимает центральное место в казахстанской историографии, посвященной началу XX века, как правило, подчеркивается ярко выраженный антиколониальный характер взглядов и действий будущих алашординцев с момента зарождения движения⁷, но их позиция в 1916 году, явственно противоречащая тезису о принципиальном антиколониализме движения, объясняется кратко и без какой-либо детализации. Признается лишь, что лидирующая группа интеллигенции фактически была против сопротивления власти. К тому же не зафиксировано документально, что будущие алашординцы признавали колониальный статус Степи в досоветский период и использовали термин «колония».

Как известно, еще в 1910 г. Букейханов объяснил мотивацию такого поведения этнополитической элиты. Колоссальную роль в «примиренчестве» национальных лидеров во время восстания сыграла общая культурная ситуация в стране в период их личностного

⁴ Абжанов Х. Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия (главы из книги) [Электронный ресурс] // <http://www.iie.kz/?p=796&lang=ru> (дата обращения: 17.09.2015).

⁵ Абжанов Х. Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия.

⁶ Асфендияров С. О некоторых основных вопросах истории казахов // Большевик Казахстана. 1933. № 2. С. 38.

⁷ См., например: Койгельдиев М. Алаш козгалысы. Алматы, Санат, 1995; Его же. Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XIII – XX ғ.ғ.). Алматы, 2004; Садыкова Б.И. Мустафа Чокай и тоталитарный режим большевиков (20-е – 30-е годы XX века) // Вестник КазГУ. Серия ист. 2001. № 1. С. 113-122; Аккулулы С. Жизнь и смерть лидера Алаш-Орды // Нива. 2001. № 6. С.147-158; Его же. Казахское ханство: ликвидация или распад? [Электронный ресурс] // <http://camonitor.com/17658-kazahskoe-hanstvo-likvidaciya-ili-raspad.html>. 2015. 4 сентября и др.

становления. Именно молодые годы «прозападной» части интеллигенции, жаждущей сделать все возможное для самореализации во благо народа, пришлось на самые замечательные трансформации. Им повезло лучшие для каждого студенческие времена провести в условиях бурных общественных дискуссий, укрепления рыночной экономики, технических изобретений, становления земства и лучших качеств российской интеллигенции, уникальных открытий великих ученых, преподававших в университетах страны и создававших атмосферу уважения общества и власти к науке. Лучшие студенты той поры считали неприличным не быть в курсе научных новаций, не интересоваться политикой, не участвовать в общественной деятельности (подготовка и обсуждение рефератов, демонстрации, сбор подписей и пожертвований, журналистика и пр.). Великолепное знание русского языка, публицистики и литературы, в т.ч., конечно, западной, общий культурный подъем в стране сформировали глубокое уважение к русской культуре и стремление использовать ее достижения для прогресса казахов. Принадлежность к общероссийским гражданским силам, членство в общероссийских политических партиях (главным образом эсеров и кадетов), объединяющий общественность страны надэтнический демократический потенциал сформировали у лидерской части казахской интеллигенции достаточно прочное осознание общности интересов и принципов всесторонней модернизации многонародной России.

С дальнейшим развитием социально-политического кризиса в Российской империи дифференциация настроений и идейно-политических ориентиров казахской этнополитической элиты усложняется, что имело неоднозначные последствия для самоидентификации общества, резко менявшего свой социальный ландшафт. Определенной кристаллизации идеологических основ и политических проектов этноэлиты служила популярная и традиционная для казахского общества форма ходатайств и других обращений во власть, но этот процесс не приобретал пока организованный характер. Определенное значение в развитии личных политических биографий национальных активистов имела степень вовлеченности в разные звенья органов власти и управления.

В конечном счете, именно те образованные националы, что характеризуются в историографии как национальная интеллигенция, играли главную роль идейно-политической жизни казахского общества в начале прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. Все остальные группы оказались в тени из-за отсутствия сколько-нибудь значимого влияния на массы и самостоятельных организационных начал.

В частности, студенчество (о нем в своих работах, к примеру, писала Ж.У. Кыдыралина⁸) как более радикальная группа, вовлекалось в революционные объединения, создавало собственные кружки и т.п., но не могло соперничать с лидерами этносообщества. Будущие большевики (Токаш Бокин, Жанабай Ниязбеков, Аубакир Жунисов, Турар Рыскулов, Сейткали Мендешев, Баймен Алманов, Алиби Жангельдин и другие) в большинстве своем призывали народ к вооруженному сопротивлению. Но это крыло интеллигенции также было маловлиятельно. Большинства из них не оказалось среди руководителей восстания в 1916 году. Стоит констатировать также, что, к сожалению, история распространения социалистических идей в казахском обществе и деятельность их представителей сегодня изучается мало, а в отношении советского периода – весьма одномерно и неполно.

Политический актив казахского общества постепенно приходил к убеждению в тесной взаимосвязи аграрного вопроса, ставшего наиболее чувствительным в начале XX в., образовательной и конфессиональной политики власти с изменением политической системы империи, расширением гражданских прав и свобод независимо от социальных или этнических различий. Организационные основы движения закладывались в процессе

⁸ Кыдыралина Ж.У. Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX в.). Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2008. 389 с.

обсуждения перспектив созыва общенационального съезда и объединения усилий общественности для внедрения в жизнь казахского общества практики организации профессиональных, культурно-просветительных, предпринимательских и иных союзов и структур. Отчетливо осознавалась и острая потребность в кропотливой работе по развитию социально-политической активности масс, преодолению разногласий и борьбы амбиций в интеллигентской среде. Большое место уделялось развитию парламентской и в целом политико-правовой культуры. В этом плане важнейшую роль сыграл А. Байтурсынов.

Именно сторонники газеты оказались наиболее активны к 1916 году и, несмотря на крайнюю малочисленность, организационно и политически выдвинулись в лидеры общества. Эта часть интеллигенции, более старшая по возрасту, уже имела приличный опыт общественно-политической практики, которая развивалась по возрастающей в плане масштабов и значимости – создание национальной журналистики, работа в общемусульманских структурах, в общероссийских научных организациях (РГО) и политических партиях и Думе, в Земско-Городском союзе с началом мировой войны. Они, пережив в молодости увлечение социализмом, большей частью придерживались либерально-демократических позиций, проводя умеренный курс.

Важно, как отмечает Абжанов, что «казахские интеллектуалы и их друзья, объединившиеся вокруг газеты «Казах», журнала «Айкап», исламской идеи, кружков социал-демократического толка, мобилизованные миссией освобождения народа от бесправия и колониального гнета, хотя каждая группа имела собственную модель решения вопроса, во взаимоотношениях соблюдали определенный этикет, дальше словесных перепалок и критических газетно-журнальных статей не перешагнули». Он также признает, что именно 1916 год стал ключевым в идейно-политической кристаллизации взглядов и позиции национальной интеллигенции⁹.

Казахстанские ученые призывают специально исследовать восстание как национально-освободительную революцию и одну из первых революций такого типа в колониях царской России. В этом контексте наминается идея А.В. Пясковского 1960 года о восстании как звене «разгоравшейся борьбы колониальных народов (Китая, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига»¹⁰. Позиция казахского образованного класса в связи с восстанием также обсуждалась не раз¹¹, и все специалисты констатируют состоявшийся в связи с восстанием определенный раскол в его среде. Он касался прежде всего отношения интеллигенции к этому экстраординарному событию в Степи, оценки случившегося, а также поведения ее отдельных групп в условиях военного подавления очагов народного сопротивления власти. Расхождения в

⁹ Абжанов Х. Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия (главы из книги) [Электронный ресурс] // <http://www.iie.kz/?p=796&lang=ru> (дата обращения: 17.09.2015).

¹⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк). Алматы, 1993. С. 276-277; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960. С. 19.

¹¹ См., например: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 795 с.; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1977; Бисенбаев А.К. К вопросу о характере событий 1916 года в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. 2. Алматы, 1994; Касымбаев Ж. Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV-й Госдумы России // Казахстан жоғары мектебі. 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996; Касымбаев Ж. Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV-й Госдумы России // Казахстан жоғары мектебі. 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996; Жугенбаева Г. М. Тынышпаев о восстании 1916 г. в Семиречье // Вестник КазГУ. Серия ист. 1997. № 5. С. 71-74; «...такое управление государством - недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4-22; Панфилов А.В. Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года // Адилет. 1997. № 1(2); Грозный 1916-й год. Сб. док. и материалов. Алматы, 1998; Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 году: Причины и подготовительная работа администрации к ликвидации мятежа. Алматы, 2000; «Совещание признало полезным...» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189-206; Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империя. 2004. № 1. С.467-486.

рядах интеллигенции имели объективные причины и обернулись важными последствиями для этнополитических процессов, развернувшихся в революционном 1917 году.

Между тем с началом восстания особой критике со стороны всех групп интеллигенции подвергались интернациональное чиновничество (не только местное) и казахская знать, но и часть самой интеллигенции, - все, кто действовал корыстно и противоправно, принося в жертву малоимущие народные группы. Как писал в 1926 г. Т. Рыскулов, «царская администрация (уездные начальники, пристава и т.д.), туземная (волостные старшины, казии, полицейские, переводчики и другие), торгово-промышленный класс (русский и туземный), деревенский бай-ростовщик, духовенство (ишаны, муллы, хаджи и т.д.) и подобные, присосавшиеся к администрации элементы - все они по-своему эксплуатировали и облагали "добровольно" и "принудительно" трудящихся - оседлых и кочевых»¹².

Наиболее конструктивную позицию заняли будущие алашординцы¹³. Стоит напомнить, что еще в декабре 1915 г. казахские деятели начали обсуждение вопросов о воинской службе казахов в газете «Казах» (№№ 166, 168, 177, 178, 179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. Одной из причин активной поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнивать права казахов и казачества, в т.ч. в отношении земли. Представители национального движения предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, - отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения. Газета «Казах» 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве инородцев провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнивать казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. В итоге в Петроград направилась инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсинов и Н. Бегимбетов, которые при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добились обсуждения вопроса на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции.

Активисты, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов может быть положительно решен в ближайшее время. В начале апреля общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18-20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». После указа от 25 июня представители 7 волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля приняли обращение к губернатору области передать императору «верноподданнические чувства

¹² Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году. М., 1926. Цит. по: Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек: Учкун, 1991. С. 46. Противоречивое поведение байства в 1916 г. фиксировал С.Асфендияров. См.: Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата: Казак университети, 1993. С. 286.

¹³ Они сохраняли стремление к деловому взаимодействию с властью и указывали: «...если все народы родины будут равны, то равным должен быть и долг перед ней». В призыве «Гражданам Алаша», опубликованном 11 августа 1916 г., А. Букейханов, А. Байтурсинов, М. Дулатов писали: «Мы хотим сказать народу, нужно согласиться, об этом сколько раз мы говорили уже. Давайте посмотрим в сравнении, если кто-то не согласен из-за боязни за свою жизнь. Какая тяжесть падет на народ, если он не согласится, и что будет, если согласится? Если согласится, то пострадает хозяйство, может джигит погибнет или будет ранен, но зато народ не пострадает. (Говоря о гибели, подразумеваем гибель от болезней, их ведь не берут солдатами, просто от войны никто же не погибает). А что будет, если повиновения не будет: если откажемся от указа государства, которому подчиняемся, не подадим руку помощи государству, оставшись дома и сохранив свои жизни, государство на нас не только обидится, но, основываясь на закон, применит силу».

киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» указу, и просить о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву». Красноречивая риторика была традиционным средством толкования конфликтных ситуаций в кочевом обществе, что отчасти объясняет активность в печати и обращения всех сколько-то значимых националов в центр.

7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось известное совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они констатировали, что «корень всех... недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы – «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Участники, в частности, решили ходатайствовать перед правительством о мерах по предотвращению эскалации конфликта в регионе. В частности, предлагалось включить в приемные мобилизационные комиссии по два уполномоченных от каждой волости, объединить мобилизованных в артели по 30 чел. и обеспечить их переводчиками и муллами (при каждой один переводчик и на 10 артелей один мулла), организовать медицинское обслуживание тыловиков наравне с ранеными воинами, передать мобилизованных рабочих в ведение учреждений Земского и Городского Союзов и др. Протокол совещания А.Н. Букейханов направил главе Земско-Городского Союза (Земгор) Г.Е. Львову, а также министрам внутренних дел и военному. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тысяч призванных на тыловые работы инородцев¹⁴.

Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть масштабы и сроки призыва, организацию транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы в армии, возможности привлечения общественности для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты и др. 20 августа под давлением казахской интеллигенции, причем ее предложения распространялись на тыловиков всех национальностей, междуведомственное совещание обсудило согласование их перевозки по железной дороге со сроками призыва и санитарными мероприятиями, что осложнялось в т.ч. из-за психологических, культурных барьеров и стереотипов призывников¹⁵.

22 августа межведомственное совещание при Главном штабе обсудило 23 вопроса о привлечении инородцев на тыловые работы и государственную оборону в районах армии и внутри страны. Они были прямо связаны с предложениями казахской интеллигенции – потребность, количество и возраст призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др. Социальная направленность решений проявилась в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. По настоянию казахской интеллигенции решили «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата была установлена 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались дружины по 2250 чел. «с необходимым кадром

¹⁴ См.: Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля; Юлдуз (Казань). 1916. 15 февраля; Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935. С. 38; Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 114-115, 239; К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.-Л., 1926. С. 57 – 68.

¹⁵ См.: Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 83-85.

офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». Старшие и переводчики набирались из реквизируемых¹⁶.

Совещание по ряду вопросов уступило националам, однако это касалось лишь положения инородцев в тылу действующей армии, на строительстве оборонительных сооружений, на предприятиях и т.п. Наряду со стремлением правительства учесть возможные и уже возникшие трудности организации призыва, проявились архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть. Негативную роль играла низкая продуктивность аппаратных мероприятий, плохо совмещавших общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой.

27 августа Степному генерал-губернатору было передано ходатайство 638 жителей Каркаралинского уезда, военному министру - послание почетных аксакалов Чергинской волости Зайсанского уезда Семипалатинской области. Они просили оставить по 1 работнику 19-45 лет на кибитку и при семьях, не имеющих кибитки; разделить призыв на 3 группы (19-23, 24-27 и 28-32 года), а при невозможности оставлять по решению аульных обществ одного табунщика на 10 кибиток и др. В документе подчеркивалась необходимость и важность заботы о поголовье скота для нужд армии и освещалось, как сезонная специфика влияет на состояние дела. «Раз солдатская семья может иметь круглый год рабочие силы из киргизов, то тем более является желательным применение этой нормы в отношении самих киргизов...». Да и особенности труда табунщиков требовали, чтобы это были опытные, здоровые молодые люди. Во всех обращениях подчеркивалась готовность внести вклад в защиту родины – в этом проявлялось влияние целенаправленной и кропотливой разъяснительной работы интеллигенции – сторонников Алаш. Однако командующий войсками Омского военного округа отстаивал свою линию. Он одновременно с ходатаями телеграфировал начальнику Главного штаба, что их позиция не может выражать настроение населения области и тем более всего народа, ссылаясь на откочевки казахов уезда в Китай в связи с мобилизацией¹⁷. Как правило, неготовность бюрократии на разных уровнях искать разумный компромисс с национальным активом лишь усугубляла ситуацию и исключала возможность предотвратить или уменьшить насилие¹⁸.

По инициативе эсера В.Чайкина и секретаря мусфракции Думы, казахского аристократа М.Чокаева в августе 1916 г. состоялась поездка членов фракции в Туркестан. Они собирали материалы о восстании и действиях администрации, о злоупотреблениях в отношении мусульман и евреев, ежедневно принимая до 200 просителей. Мусульманские деятели, в т.ч. казахи, организовали запрос трудовиков о волнениях в Туркестане, 19 ноября поступили 3 запроса 96 депутатов (трудовики, кадеты, социал-демократы, члены мусфракции) к министрам военному, внутренних дел и юстиции. 13 декабря на закрытом заседании Думы с подробным докладом выступил А.Ф.Керенский¹⁹.

15 сентября 1916 г. председателю Думы М.В.Родзянко была направлена памятная записка приехавших в столицу известных казахских деятелей Б.Каратаева и Ж.Сейдалина. Они указывали: порядок призыва нарушается, остаются злоупотребления властей, а неорганизованные выступления молодежи, как и факты истории XVIII – XX вв., - отнюдь не сепаратизм казахов. «Было бы не умалением авторитета власти в глазах киргизского населения..., а всемерным усилением оно, если бы в возможной скорости была

¹⁶ Там же. С. 89-90.

¹⁷ См.: К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.-Л., 1926. С. 57 – 61; Аманжолова Д.А. Указ.соч. С. 84-85.

¹⁸ Примеры по другим регионам см.: Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества. М.: Русский мир, 1999. 520 с.

¹⁹ «...такое управление государством - недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С.4-22.

исправлена ошибка власти... с немедленным разрешением отсрочки призыва ..., по крайней мере, до мая 1917 года...»²⁰.

В марте 1917 г. при Комитете Союза на Западном фронте в Минске во многом благодаря Букейханову был создан инородческий отдел (им заведовал сам Букейханов, затем до августа 1917 г. А. Кенжин), наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г. 11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы по указу от 25 июня 1916 г., что можно считать успехом национальной общественности. Однако 14 марта 1917 г. Временное правительство приостановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. 5 мая состоялось постановление о возвращении тыловиков на родину²¹. Таким образом, Букейханов и его единомышленники в итоге добились определенных уступок со стороны власти²².

Вслед за этим в 1917 году наступила политическая и организационная определенность: достаточно вспомнить острый конфликт между представителем новой власти, комиссаром Временного правительства по Тургайской области А.Н. Букейхановым и посланцем большевиков, первым казахом-коммунистом А.Т. Джангильдиным. От словесной полемики казахские политические активисты перешли к решительному идейно-организационному размежеванию и открытой борьбе.

Наиболее влиятельная часть интеллигенции не случайно выступала сторонницей компромисса с властью и всячески стремилась найти средства для снятия напряжения в обществе, в т.ч. в межэтнических отношениях, укрощения стихийного насилия. При этом основное внимание казахские интеллектуалы уделяли отношениям с центральной властью, хорошо представляя распространенность коррупции и низкую эффективность местных органов управления, ничтожное влияние последних на решение судьбоносных вопросов. Характерными чертами политического поведения интеллигенции были приверженность легитимным способам деятельности, компромиссу с институтами государства и общероссийскими политическими структурами, прагматизм и реализм. Более того, в сравнении со среднеазиатской общественностью казахский образованный класс был гораздо сильнее вовлечен в научные, культурные, социальные, общемусульманские организации, политические партии России. Их действия, социально-политические и пропагандистские усилия, публицистика были нацелены на формирование представлений о неразрывности интересов казахов и других народов России, стимулирование консолидирующих ориентиров в отношении этносообщества к своему месту в общегосударственном гражданском пространстве. К сожалению, компаративный анализ истории интеллигенции начала XX века как представителей близких регионально и конфессионально народов пока не осуществлен.

Исторический опыт деятельности казахской интеллигенции в начале прошлого века подтверждает, что модернизация политической системы, органов управления и самоуправления тесно связаны с общими социально-экономическими и культурными условиями развития этносоциума, качеством его политико-правовой культуры, организационного и идейного оформления этнополитической элиты, содержанием и качеством ее образования, накопленного ею опыта гражданской-правовой практики и уровня политической ответственности. Реализация демократических избирательных процедур и партийной конкуренции на основе закона, апробированные тогда, остаются

²⁰ Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 239; К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.-Л., 1926. С. 61 – 68.

²¹ Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. С. 72-80, 100-102.

²² См.: «Совещание признало полезным...» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189-206.

острейшими потребностями современной культуры идущих во власть. Умение с достоинством выигрывать и проигрывать, вести честный диалог с массами и соперниками, действовать строго легитимными способами – этому учит политический опыт Букейханова, Байтурсынова и их соратников. Кроме того, исторический задел алашординцев свидетельствует: только непосредственное включение каждого обывателя как гражданина в решение задач местного развития при ответственном и демократически избранном главе администрации конкретного населенного пункта и региона создает плодородную почву для сильного и процветающего государства.

На рубеже XIX–XX вв. и особенно при переходе к советской политической системе обнаружились иллюзорность могущества аппарата, множественность реальных практик самоорганизации этнокультурных общностей, сложная динамика перераспределения властных рычагов между локальными и центральными группами чиновничества. Разработка отвечающей коренным интересам и реалистической программы всесторонней модернизации общества – пример оптимального для своего времени сочетания мирового, российского и национального опыта (социализм, либерализм, национализм). Создание эффективных структур управления, согласование бесчисленных политико-правовых нюансов взаимодействия с разнонаправленными внутренними и внешними политическими силами, формирование патриотической бюрократии – не только сами задачи, но и опыт их осуществления сегодня остаются весьма востребованными.

Методологическое значение имеет научно обоснованное, теоретически выверенное применение общепризнанного понятийного аппарата, прежде всего разделяемого двумя наиболее популярными концепциями примордиализма и конструктивизма. Как известно, термин «национальный» в первом случае трактуется как характеристика этничности, тогда как конструктивизм предполагает гражданское понимание национального, общепринятое в мировом научном и правовом дискурсах. В этой связи перспективным представляется глубокий анализ межэтнических кросс-культурных взаимосвязей интеллигенции Казахской степи и Казахской АССР, позволяющий на разных отрезках этого насыщенного важнейшими событиями и изменениями периода осмыслить особенности, динамику, содержание и значение развития межкультурной интеграции и роли представителей интеллигенции разных национальностей в транзите негомогенного общества от традиции к модерности.